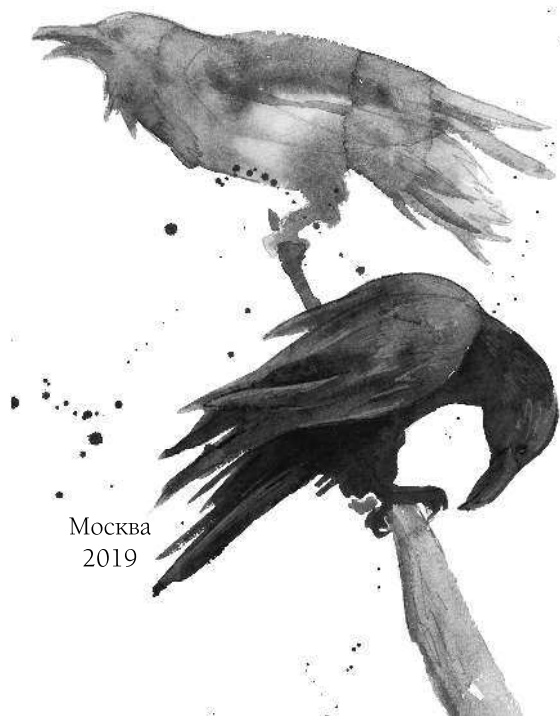

CATCHING
TELLER CROW

Эмбелин и Эзекил
Кваймуллина

О ЧЕМ
МОЛЧАТ
ВОРОНЫ

Москва
2019

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
К32

Ambellin & Ezekiel Kwaymullina

CATCHING TELLER CROW

© Ambellin Kwaymullina and Ezekiel Kwaymullina 2018

Перевод с английского *Анны Тихоновой*

Художественное оформление и иллюстрация на переплете
Анастасии Ивановой

Кваймуллина, Эмбелин.

К32 О чем молчат вороны / Эмбелин и Эзекил Кваймуллина ; [перевод с английского А. Тихоновой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 192 с.

ISBN 978-5-04-106527-0

С шестнадцатилетней Бет произошел несчастный случай: она попала в автомобильную аварию. Девушка погибла и стала призраком, застрявшим между мирами живых и мертвых. Но между Бет и ее отцом существует связь, которая позволяет ему видеть и слышать дочь. Он – детектив и отправляется в провинциальный городок, чтобы расследовать пожар в детском приюте. Бет следует за отцом к месту трагедии.

Проникая в тайны городка, детектив понимает, что здесь творится что-то ужасное. Его единственный шанс пролить свет на случившиеся события – найденная девушка, сбежавшая из сумасшедшего дома. Кто она и почему утверждает, что прибыла в ночь пожара из другого измерения?

Чем дальше детектив продвигается в поисках, тем больше тайн встречается на его пути. Чтобы приблизиться к разгадке страшной тайны, отцу Бет не обойтись без ее помощи.

**УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44**

© Тихонова А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106527-0

БЕТ

ГОРОД

Выглядел папа ужасно. Его светлые волосы были жирными и тусклыми, а кожа как будто обвисла. От мускулистого, загорелого красавца, когда-то построившего мне двухэтажный домик на дереве, осталась лишь скорлупа.

Казалось бы, это я должна была измениться. Но, как говорил папа, я осталась такой же. Самой мне было никак не проверить — я больше не отражалась в зеркалах. С фотографий на меня смотрела улыбающаяся девушка с темными кудрями, пухлыми щеками, смуглой кожей, как у мамы, и синими глазами, как у папы. Наверное, так я выглядела и сейчас. Только улыбалась редко. Папа вообще почти не улыбался.

Взобравшись на крутой каменистый холм, он прижал руку к груди и перевел дыхание. Много таких холмов здесь возвышались над красноватой пустошью, усеянной деревьями. Деревья мне нравились. Старые, с белой корой, изогнутыми ветвями, тянущимися к небу, словно надеясь к нему прикоснуться. Небо тоже; здесь его было как будто больше, чем в городе. Здания его не загораживали: ни один из домов

не доходил до горизонта. С вершины холма виднелся почти весь городок: горстка домишек у небольшой рощи и длинная река на севере. Его покрывала та же пыль, что и все вокруг. Она осела на нашу машину и папины мятые рубашку и штаны. Только меня не коснулась, разумеется. Мое платье оставалось все таким же чистым и ярко-желтым, как в тот день, когда тетя Вив повезла меня на вечеринку.

Папа шагнул ближе к краю и окинул взглядом город.

— Отсюда тебе дело не раскрыть, — сказала я.

Он обернулся. В его глазах блеснули слезы. Иногда папе сложно было смотреть на меня без слез. Сегодня они не стекли по щекам, но я почувствовала их в его голосе.

— Мне тебя не хватает, Бет.

— Я рядом, пап.

Вот только мы оба знали, что это не так. По крайней мере, не в том смысле, в каком ему хотелось бы.

Все произошло так быстро. Я сидела вместе с тетей Вив в ее седане, и ничего не предвещало беды. Внезапно из-за угла выехала большая машина и понеслась прямо на нас по насыпи. Я посмотрела на нее, и... все. Больше я ничего не помнила. Не помнила, как умерла. И сейчас до сих пор чувствовала себя обычной, живой. Я видела город, слышала ветер, вдыхала аромат эвкалипта, ощущала вкус пыли на языке. Разве что ни к чему не могла притронуться.

Не так я представляла себе смерть — хотя, признаюсь, задумывалась об этом редко. Хотя тетя Вив и тетя Джун — сестры моей мамы — часто говорили, что я снова ее встречу. Она умерла, когда я была еще совсем маленькой. Тетя Джун верила, что мама «ушла на другую сторону». Ее хрипловатый голос эхом

отдавался у меня в голове: «В мире много граней, как у хрусталиков, которыми тетя Вив украшает окна, и мы с твоей мамой сейчас на разных гранях». Так что я никогда не сомневалась, что встречу маму после того, как умру.

Мы не встретились. Однако что-то мне подсказывало, что мама ждет меня где-то впереди, там, куда мне только предстоит попасть. Я не сомневалась, что однажды ее увижу, но не знала точно, когда. Впрочем, это «когда» теперь несло мало смысла, поскольку я больше не считала ни минуты, ни часы. Дни начинались с восходом солнца и заканчивались с закатом. Если в течение этого отрезка я успевала как-то помочь отцу или сделать что-то еще полезное, время для меня двигалось, а если нет — пятилось. Как говорил деда Джим, «не жизнь течет по реке времени, Бетти, — время течет по реке жизни».

У меня больше не было сил смотреть на растерянное выражение, которое вновь появилось на папином лице. Я энергично махнула рукой на город.

— Ты не займешься расследованием?

Он еще какое-то время стоял молча, а затем отвернулся и вытер слезы. Переведя взгляд на дома внизу, хрипло ответил:

— Я им и занимаюсь. Хочу уловить дух этого места. — Он перевел дыхание и уже спокойнее добавил: — Мы с твоей мамой выросли в похожем городке. — Папа поджал губы, как будто ему в рот положили дольку лимона. — В таких местах у полицейских чересчур много власти.

Очевидно, он вспомнил о своем отце. Я никогда не встречала своего деда по папиной линии, но знала, что он около тридцати лет проработал полицейским, но человеком был неважным. Считал, что закон обя-

зан одних защищать, а других наказывать. И «другими» в его глазах были коренные австралийцы. Де-душка и бабушка отреклись от моего папы, когда он начал встречаться с мамой, и меня, их внучку-полукровку, знать не желали.

— Думаешь, полицейские здесь такие же, как твой отец? — спросила я.

— Возможно. А может, и нет. Люди меняются. Города меняются. Медленно, но верно. — Папа вздохнул и покачал головой. — Боюсь только, расследовать здесь особо нечего.

Это мне не понравилось. Я хотела, чтобы папа увлекся делом. Он погряз в горе, как в грязном болоте. Я должна была вытащить его из этой трясины и заставить встать на ноги. Иначе он продолжит тонуть и с головой уйдет под воду.

— Кто-то же погиб при пожаре, — напомнила я.

Поэтому папа сюда и приехал. Детский дом поглотило жадное пламя и сожгло... кого-то. Тело так сильно обгорело, что опознать его было невозможно. Полицейские пытались выяснить личность жертвы по ДНК или зубам. По крайней мере, дети точно выжили. Они все спаслись, чему я была безмерно рада. Самому младшему было всего десять, как моей двоюродной сестре Софи.

— Нельзя бросать дело, не узнав, кто погиб!

— Кроме детей там жили только директор и воспитатель. Очевидно, это один из них. Скорее всего — воспитатель, он был высоким, как и сгоревший.

— Где тогда директор? — спросила я. — Других тел там не было. Значит, он жив. И как будто исчез. Очень таинственно.

— Может, местная полиция его уже нашла, пока мы сюда ехали. Не надо мудрить, Бет. Скорее всего, это просто несчастный случай.

— Ты же не знаешь наверняка! Непорядок с проводкой — это всего лишь... Как они выразились? Гипотеза.

Папа хмыкнул.

— Так или иначе, с этим могли бы справиться и без меня. По крайней мере, пока не выяснились какие-то странные детали. — Он сердито покачал головой. — Я здесь только из-за «Надзора».

Так называлась государственная программа, которую ввели после ряда зашедших в тупик расследований убийств.

Если возникали подозрения, что смерть была насильственной, на место отправляли опытного старшего следователя, чтобы он проверил, все ли выполняется как должно. Папа считал, что на эту программу тратится чересчур много денег и куда правильнее было бы пустить их на оборудование и обучение.

Только на самом деле его сюда отправили вовсе не поэтому. Папина начальница Рейчел думала, что ему надо дать какое-нибудь несложное расследование, пока он не оправится от горечи утраты. Я об этом знала, потому что пришла тогда к папе на работу и слышала, что говорят у него за спиной. Рейчел не сомневалась, что оказывает ему большую услугу. Она ошибалась. Папа нуждался в настоящей тайне. Запутанной. Чтобы она поглотила его.

Пока я размышляла над тем, как заинтересовать папу в расследовании, у него зазвонил телефон. Он достал его из кармана, посмотрел на экран и убрал обратно. Звонок продолжил литься в тишину.

Я сразу поняла, что это кто-то из маминых братьев или сестер. Многочисленных дядюшек и тетюшек, которые взяли папу под свое крыло после печально-го происшествия. Папа ничего не имел против того,

чтобы тетя Джун, дядя Мик и дядя Кельвин звонили проверить, как у него дела, но в последнее время они начали пытаться помирить его с тетей Вив, а вот это ему не нравилось.

— Тетя Вив не виновата, — сказала я. — Это другой водитель потерял управление, хотя и его вины тут нет. Он даже ехал не слишком быстро. В аварии виноваты только дождь, крутой поворот и скользкая дорога. Это был *несчастный случай*, пап!

Он не шелохнулся.

— Ты несправедлив к тете Вив.

Молчание.

Однако в глубине души он наверняка понимал это. Как ни странно, он винил в моей смерти тетю Вив, хотя от нее ничего не зависело. Ведь не *намеренно* же она выжила в той аварии и отделалась легким сотрясением и царапинами, правда? Помню, как-то раз она пришла к папе на крыльцо и принялась колотить в дверь и кричать:

— Думаешь, я не жалею, что смерть забрала не меня?! Ты прекрасно знаешь, что я любила ее больше жизни!

Папа ей не открыл, и она в конце концов обессиленно упала на ступеньки.

Меня так беспокоил папа, что я возмущительно редко навещала тетю Вив и не поверила своим глазам, когда увидела ее тем днем. На ней был потрепанный серый спортивный костюм. Тетя Вив терпеть не могла серый цвет и спортивные костюмы никогда не носила, в отличие от тети Джун, у которой шкаф от них ломился и у которой на кухне всегда был огромный запас злаковых батончиков. Тетя Вив предпочитала шоколадное печенье и говорила, что лишние килограммы — это не беда, и чем она больше, тем больше в нее помещается любви.

Меня поразила не только одежда тети Вив. Я сразу обратила внимание на сандалии на плоской подошве и бесцветные ногти на ногах. Тетя Вив ходила исключительно на каблуках, и на ногтях у нее всегда блестел яркий лак. Сейчас же она ни капли не походила на мою пышную, смешливую тетюшку, которая всегда буквально сияла.

Тогда я попыталась с ней заговорить, хотя уже понимала, что меня видит и слышит только папа.

— Нет, тетя, было бы ужасно, если бы ты умерла вместо меня. Как же твои дети? Элла еще совсем крошка! И Софи с Чарли не обойтись без мамы. Особенно Чарли! Кто будет за ним приглядывать, если тебя не станет?

Разумеется, мои слова ее не достигли. Она просто молча сидела на крыльце, опустив голову на руки. Слезы стекали по смуглым щекам. Ее страдания остро напомнили мне папины, и я страшно перепугалась.

— Пожалуйста, не убивайся так, тетя! *Я не хочу, чтобы другие из-за меня страдали!*

Прошло несколько мучительных секунд, и она вдруг перестала плакать, подняла голову и нахмурилась, словно ее лишь сейчас озарило, как она себя запустила. Тетя изумленно уставилась на старый спортивный костюм, явно пораженная переменами не меньше меня.

Она поднялась и крикнула папе через закрытую дверь:

— Помни, что всегда можешь поговорить со мной по душам, Майкл!

А потом ушла, расправив плечи. Возможно, мой дух смог достучаться до ее души, пускай слова и не долетели до слуха тети. Эта мысль немножко подняла мне настроение.

В следующий раз, заглянув проверить, как у нее дела, я застала тетю Вив в ее любимом розовом платье. Все еще без каблучков и лака на ногтях, но я уже не сомневалась, что она оправится от горя.

Мне хотелось, чтобы папа тоже оправился. И чтобы простил тетю Вив.

Я предприняла еще одну попытку.

— Для нее это тоже большая потеря, пап. Для всей семьи. Они страдают даже больше твоего, потому что ты хотя бы можешь меня видеть.

Папины глаза вспыхнули.

— *Никто* не страдает больше меня.

Он развернулся и побежал вниз по холму.

«Ну и глупость ты сморозила, Бет», — сказала я себе. Конечно, папе меня не хватало больше, чем другим. Не только потому, что я была его дочкой и он безумно меня любил, но и потому, что остальные помнили меня другой.

Они всегда обсуждали то, что мне нравилось, что не нравилось, что меня смешило. Говорили обо мне даже тогда, когда боль потери особенно сильно сжимала сердце. Нет, в эти минуты они обсуждали меня с наибольшей охотой, чтобы хоть немного облегчить эту боль. Воспоминания их сплотили, и меня это безмерно радовало. Получалось, что я — Бет Теллер¹ — поддерживаю теплые отношения в семье, и их успехи в этом — отчасти мои и отчасти моя заслуга.

С папой все было иначе. Я не помнила о своей смерти, папа как будто не помнил о моей жизни. Точнее, он был заиклен на том, как эта жизнь подошла к концу. Я не сомневалась, что именно по этой причине он способен меня видеть. Ему одному требова-

¹ Teller — рассказчик (англ.).

лось напоминание о том, что мое существование не сводилось к тем коротким мгновениям хаоса и аварии. Не сводится к ним и сейчас.

Правда, сейчас он стремительно от меня удалялся. Что ж — хотя бы не плакал.

Я задумалась. А это даже хорошо. Да, пожалуй...

Я ухмыльнулась. Похоже, сердить папу — неплохой способ помочь ему двигаться в верном направлении.

Довольная собой, я поспешила за ним.

